

Анна Гавальда



Анна Гавальда

# Истории жизни

Я ее любил. Я его любила  
Мне бы хотелось, чтобы меня  
кто-нибудь где-нибудь ждал...

Луис Мариано,  
или Глоток свободы  
(с последствиями)



Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.133.1-31  
ББК 84(4Фра)-44  
Г12

Anna Gavalda  
JE L'AIMAIS  
JE VOUDRAIS QUE QUELQU'UN M'ATTENDE QUELQUE PART  
L'ÉCHAPPÉE BELLE

Перевод с французского *Елены Клоковой* («Я ее любил. Я его любила», «Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал...»), *Нины Хотинской* («Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал...»), *Ирины Волевич* («Луис Мариано, или Глоток свободы (с последствиями)»)

Печатается с разрешения издательства Éditions Le Dilettante  
и литературного агентства Anastasia Lester

Оформление обложки *Екатерины Фerez*

**Гавальда, Анна.**

Г12      Истории жизни: [Я ее любил. Я его любила; Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал...; Луис Мариано, или Глоток свободы (с последствиями) : перевод с французского] / Анна Гавальда. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 448 с.

ISBN 978-5-17-982362-9

«Истории жизни» — это три самые ранние книги Анны Гавальда, с которых и началась ее мировая слава. Роман «Я ее любил. Я его любила» предлагает задуматься о выборе между удушающим долгом и причиняющей боль честностью. Сборник «Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал...» показывает все грани таланта автора: здесь есть и тонкие лирические притчи, и ироничные парижские этюды, и просто грустные истории провинциальной Франции. А роман «Глоток свободы» вместе с дописанным позднее продолжением о собаке по имени Луис Мариано затрагивает главную тему Гавальда: любая встреча неслучайна и один-единственный день может перевернуть всю твою жизнь.

УДК 821.133.1-31  
ББК 84(4Фра)-44

© Éditions Le Dilettante, Paris, 1999, 2002, 2012  
© Клокова Е., перевод, 2006, 2009  
© Хотинская Н., перевод, 2009  
© Волевич И., перевод, 2012  
© ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке, 2018

**Я ЕЕ ЛЮБИЛ.  
Я ЕГО ЛЮБИЛА**

*Посвящается Констанс*



— Что ты сказал?

— Говорю, что немедленно их увезу. Им будет полезно ненадолго уехать...

— Но не сейчас же? — спросила моя свекровь.

— Прямо сейчас.

— Как? Ты же не собираешься...

— Именно что собираюсь.

— Да что все это значит, в конце-то концов? Сейчас почти одиннадцать! Пьер!..

— Сюзанна, я разговариваю с Хлоей. Хлоя, послушай меня: я хочу увезти вас подальше отсюда. Ты не против?

— ...

— Полагаешь, это неудачная идея?

— Не знаю.

— Иди собирай вещи. Мы уезжаем, как только ты будешь готова.

— Я не хочу возвращаться к себе.

— Ну и не надо. Разберемся на месте.

— Но вы не...

— Хлоя, Хлоя, пожалуйста, доверься мне.

## Анна Гавальда

Свекровь не сдалась:

— Что за безумие? Не станете же вы будить малышей, в такое-то время! В доме не топлено! Там ничего нет! Туда нельзя везти детей! Они...

Он встал.



Марион спит на детском сиденье, держа пальчик во рту. Рядом с ней, свернувшись калачиком, спит Люси.

Я смотрю на свекра. Он сидит прямо. Его руки крепко держат руль. Он не произнес ни слова с тех пор, как мы выехали. Время от времени фары встречных машин высвечивают его профиль.

Мне кажется, он так же несчастен, как и я. А еще он очень устал. И разочарован.

Он чувствует мой взгляд:

— Почему не спишь? Ты должна поспать, слышишь? Тебе надо опустить спинку и постараться заснуть. Нам еще ехать и ехать...

— Не могу, — отвечаю я, — вас сторожу.

Он улыбается в ответ. Если *это* можно назвать улыбкой.

— Да нет... часовой сегодня я.

И мы возвращаемся каждый к своим мыслям. И я плачу, прикрыв лицо руками.



Мы остановились у заправки. Я пользуюсь его отсутствием, чтобы проверить сотовый.

Ни одного сообщения.

Естественно.

Какая же я дура.

Дура...

Включаю радио и тут же выключаю.

Он возвращается.

— Будешь выходить? Хочешь чего-нибудь?

Я киваю.

Ошибаюсь кнопкой, стаканчик наполняется какой-то тошнотворной жижей, и я отправляю его в урну.

В магазинчике покупаю памперсы для Люси и зубную щетку для себя.

Он не трогается с места, пока я наконец не соглашаюсь опустить спинку сиденья.

## Анна Гавальда



Я открыла глаза, когда он заглушил двигатель.

— Не суетись. Побудь с малышами здесь, пока в машине еще тепло. Я пойду в дом, включу обогреватели в вашей спальне, а потом вернусь за вами.

Снова вопрошаю свой телефон.

В четыре-то утра...

Какая же я дура!



Не могу уснуть.

Вместе с детьми лежу в кровати бабушки Адриана. Кровать ужасно скрипит. Когда-то она была нашей.

Занимаясь любовью, мы изо всех сил старались ее не раскачивать.

Весь дом был в курсе, стоило нам только пошевелить рукой или ногой. Помню намеки Кристин за столом, когда мы спустились вниз в первое утро. Никогда не забуду, как мы краснели, не поднимая глаз от своих тарелок и держась за руки под столом.

Мы хорошо запомнили урок и с тех пор предавались любовным утехам тихо, как мышки.

Я знаю, что он вернется в эту кровать с другой женщиной и, когда их терпению придет конец, он так же, как некогда со мной, сдернет толстый матрас на пол.



Нас будит Марион. Она прогуливает свою куклу по одеялу, рассказывая ей сказку о сбежавших сосках. Люси трогает меня за ресницы: «У тебя глазки склеились».

Мы одеваемся под одеялами, потому что в комнате слишком холодно.

Стенания кровати девочек смешат.

Свекор разжег в кухне камин. Я вижу его в глубине сада — он набирает дрова из поленницы под навесом.

Мы впервые остались с ним вдвоем.

Я никогда не чувствовала себя уютно в его компании. Он слишком бесстрастный. Слишком молчаливый. Да еще все эти рассказы Адриана о том, как пристально следил за ним отец, каким он был жестким, непримиримым, как легко выходил из себя, как придирался к школьным отметкам.

То же самое и с Сюзанной. Я никогда не замечала какой-либо нежности в их отношениях. «Пьер сдержан, но я знаю, *что* он чувствует ко мне», — сказала мне однажды свекровь, — мы лушили фасоль и говорили о любви.

## Я ее любил. Я его любила

Я тогда кивала, но не понимала. Я не понимала этого человека, столь скупого на эмоции, подавлявшего все свои чувства. Постоянно держать себя в узде из страха показаться слабым — этого я никогда не могла понять! В моей семье обниматься и целоваться было так же естественно, как дышать.

Помню один бурный вечер на этой кухне... Моя невестка Кристин жаловалась на учителей своих детей: мол, все они некомпетентные и ограниченные. Потом разговор перешел на образование вообще и их с Адрианом в частности. Обстановка мгновенно накалилась. Кухня превратилась в судилище, Адриан и его сестра — в обвинителей, а на скамье подсудимых — их отец. Как тяжело все это было... нет, бомба так и не взорвалась, язвили в меру — так, воткнули друг в друга пару-тройку отравленных шпилек.

Как всегда.

Впрочем, скандала все равно не получилось бы — мой свекор наотрез отказывался выходить на ринг. Он выслушивал колкости своих детей, но никогда на них не отвечал. «Все ваши обвинения отскакивают от меня, как мячик от асфальта!» — так он всегда говорил с улыбкой и удалялся.

Правда, в тот раз спор вышел более желчным.

У меня в памяти стоит его искаженное лицо и руки, с такой силой сжимающие графин с водой, словно он хотел его раздавить.

Я пыталась представить себе, что бы он мог сказать в ответ, пыталась понять. Что он чувствует на самом деле? О чем он думает, оставаясь один? Что у него на душе?

## Анна Гавальда

Выдохшаяся Кристин повернулась ко мне:

— А ты что обо всем этом скажешь, Хлоя?

Я устала, и мне хотелось, чтобы вечер поскорее закончился. С меня хватило этих семейных разборок.

— Я... — задумчиво начала я, — я считаю, что Пьер словно и не живет среди нас, не живет по-настоящему, он похож на марсианина, затерявшегося среди семейства Диппелей...

Все присутствующие пожали плечами и отвернулись. Кроме него.

Он поставил графин на стол, его лицо разгладилось, он улыбнулся мне. *Так* он улыбнулся мне в первый раз. И возможно, в последний. Мне кажется, в тот вечер между нами возникло некое взаимопонимание... Эдакая тонкая ниточка. Я тогда попыталась защитить его, как могла, моего странного седого марсианина, который подходил сейчас к кухонной двери, толкая перед собой тачку с дровами.



— Все в порядке? Тебе не холодно?

— Все хорошо, спасибо, не беспокойтесь.

— А малышки?

— Они смотрят мультики.

— Мультки — в такое время?

— Во время каникул их показывают каждое утро.

— Ага... прекрасно. Ты нашла кофе?

— Да-да, спасибо.

— Кстати, Хлоя... По поводу каникул, ты не должна...

— Позвонить на работу?

— Да, впрочем, не знаю...

— Да-да, я позвоню, я...

Я снова заплакала.

## Я ее любил. Я его любила

Свекор опустил глаза. И снял перчатки.

— Прости, я вмешиваюсь не в свое дело...

— Да нет, не в том дело, я просто... Чувствую себя потерянной... Я... вы правы, пойду позвоню шефу.

— Кто он, твой начальник?

— Подруга, надеюсь, что подруга, сейчас увидим...

Я забрала волосы старой резиночкой Люси, которую нашла в своем кармане.

— Скажи, что берешь несколько дней отпуска, чтобы ухаживать за злобным свекром... — предложил он.

— Да... За злобным и беспомощным. Так будет убедительней.

Он улыбался, дуя на кофе.

Лоры на месте не оказалось. Я пролепетала нечто невнятное ее помощнице, которую ждал вызов по другой линии.

Позвонила домой. Набрала код автоответчика. Ничего не значащие сообщения.

А на что я, собственно, надеялась?

Снова подступили слезы. Мой свекор вошел в комнату и тут же вышел.

Я говорила себе: «Давай, надо выплакаться раз и навсегда. Вылить все слезы, выжать, как губку, мое большое печальное тело и перевернуть страницу. Думать о другом. Идти вперед мелкими шажками и все начать с начала».

Мне повторяли эти слова сотни раз. Думай о другом. Жизнь продолжается. Вспомни о дочерях. Ты не имеешь права так распускаться. Встряхнись.

Да, я знаю, прекрасно все знаю, но поймите же вы — у меня не получается.